

POSS

БРИНН ЭШЕР

Обладание

SESSION

INSPIRIA

МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Э98

Brynne Asher

POSSESSION (THE AGENTS #1)

Copyright © 2023. POSSESSION by Brynne Asher
the moral rights of the author have been asserted

Перевод с английского *Марии Жуковой*

Художественное оформление *Радия Фахрутдинова*

Леттеринг *Анастасии Ивановой*

Эшер, Бринн.
Э98 **Обладание / Бринн Эшер ; [перевод с английского М. Жуковой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с.**

ISBN 978-5-04-226156-5

Вчера Ландин думала, что знает, за кого выходит замуж.

А сегодня она в свадебном платье, залитом кровью. И перед ней — другой мужчина. Холодный. Непредсказуемый. Слишком красивый, чтобы быть реальным.

Боз Торрес. Второй человек в картеле... и ее муж.

Он держится на расстоянии. Говорит мало. Смотрит очень пристально.

И всегда появляется там, где ей нужна защита.

Чем дальше Ландин наблюдает за мужем, тем больше трещин замечает в его безупречной маске: странные вопросы, внезапные исчезновения, неожиданные решения для человека из мира мафии.

Он не хотел жены, проданной за долги.

Но теперь она — его.

Его проблема. Его одержимость, которую поздно отрицать.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-226156-5

© Жукова М., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Посвящается Умнику

ПОКА СМЕРТЬ НЕ РАЗЛУЧИТ НАС

Ландин

Я и подумать не могла, что моя жизнь закончится в двадцать три года.

Я вижу в зеркале свои пустые, мертвые глаза. Белое платье от-кутюр облегает как вторая кожа. Я не знаю, как им это удалось. Я впервые увидела это платье всего полчаса назад, не говоря уже о том, что не примеряла его и наряд не подгоняли под мою фигуру. С ним ничего не делали! На моем лице много косметики, но выгляжу я естественно — словно макияжа и нет, только розовый блеск на губах. Волосы подняты вверх, как-то странно перекручены — в результате получилась сложная укладка, несколько спущенных прядей щекочут лицо. Прическа стильная, волосы лежат идеально небрежно, и кажется, что не потребовалось никаких усилий, чтобы их подобным образом уложить, хотя на самом деле на создание прически ушло больше часа.

Я — произведение искусства.

Несколько часов назад к нам на виллу ворвалась целая команда, чтобы совершить это волшебство. Я никогда не видела никого из них раньше, и они не спрашивали, что я хочу. Они тихо переговаривались между собой на своем родном языке — обсуждали проект, над которым работали. Прямо ко мне они обращались, только отдавая приказы на английском языке: «сядьте прямо», «повернитесь» или «втяните живот», что смутило меня больше всего.

Им было плевать на мои желания. Наверное, это не их вина. Они получили приказы.

Его приказы.

Я выгляжу как мечта в сердце кошмара.

— Деннис, сделай что-нибудь. Что угодно, только не это. Ты рушишь наши жизни! Это просто стыдно. Это твой последний шанс

решить вопрос. Найди какой-нибудь другой способ выплатить долг. Отработай его как-нибудь. Сделай что-нибудь — только не это. Что подумают люди, когда она выйдет за него замуж?

Отец ходит взад и вперед у меня за спиной в своем элегантном черном смокинге — как маятник, то отражающийся в зеркале, то исчезающий из поля моего зрения. Он в ярости, впечатывает каждый шаг в пол, после него в персидском ковре точно останется протопанная дорожка. Я не могу заставить себя повернуться и посмотреть ему в глаза. Я не могу это сделать с того ужасного дня.

Когда он останавливается, комната сотрясается от его рева:

— Ты думаешь, что у меня есть выбор? Нет его, черт побери! Если бы я не согласился на его требование, мы бы все уже сдохли! Сдохли, Нелли. Все!

Сдохли.

Думаю, он говорит правду.

— Черт тебя побери. Я говорила тебе, чтобы держался подальше от семейки Марино. Они очень опасны — и в особенности Дамиан. Он злой, а ты вручаешь ему нашу дочь на блюдечке! — Все мышцы у меня напрягаются, когда мама кричит: — Ты посмотри, что ты наделал!

Прошло всего пять дней с тех пор, как отец усадил нас с мамой напротив себя и объяснил, что произошло.

Как он облажался худшим способом из возможных — провалил поставку своему вызывающему страх партнеру.

Я никогда не забуду те минуты. Отец сидел, закрыв лицо руками, весь в напряжении, его добрые карие глаза словно подернуло пеленой, когда он признался в том, что сделал.

На него повесили долг — такой долг, который он не сможет вернуть, даже если возьмет все кредиты, которые только удастся получить, и попросит всех на Западном побережье оказать ему взаимные услуги и заплатить по счетам.

Мой отец — не мелкий игрок, но и не такой крупный. Хотя он пытался им стать.

Мои родители притворяются, будто живут самой обычной жизнью, но это не так. Большинство наших знакомых считают Денниса Альбу успешным бизнесменом, но я знаю, как мой отец делает деньги. Очень малая часть его дохода, обеспечивающего нам роскошный образ жизни, поступает от законных сделок и легальных предприятий.

По ощущениям, тот мрачный день был целую жизнь назад — тот день, когда отец посмотрел мне в глаза и заявил, что должно произойти, чтобы мы все остались живы.

Мне придется заплатить за его косяк.

Его долг буду выплачивать я.

И заплачу я своей собственной жизнью.

Я стала спорить и отказываться. Когда до меня наконец дошло, что мне никак от этого не отвертеться, я пролила столько слез, сколько могла бы за свою жизнь какая-нибудь старуха, которая пережила больше душевных травм, чем заслуживает любой человек.

Но за последующие дни, которые тянулись очень медленно и привели меня к сегодняшнему дню, я перестала что-либо чувствовать.

У меня даже не было возможности сбежать. Вот отец сообщает мне, что моя жизнь закончилась, а в следующую минуту нас уже забирают из нашего дома в фешенебельном районе и привозят сюда.

С тех пор мы ни разу не выходили из этой виллы.

Отец согласился на сделку.

Отдать меня.

В обмен на миллионы, которых у него нет.

Аламандос Марино — один из богатейших людей в Мексике. В отличие от моего отца Аламандос — крупный игрок.

С гигантским размахом.

Фактически он такой игрок, с которым сравнивают всех остальных игроков.

Он безжалостный человек.

А если те слухи, циркулирующие в преступном мире, в котором мы живем, соответствуют действительности, то его сын Дамиан Марино еще хуже. Гораздо хуже.

Дамиан скрывает эту часть своей личности от большинства людей. Если у тебя столько денег, это легко. Дамиан живет и работает в США. Он любит играть на Уолл-стрит¹ и нашел способ работать так, чтобы его руки оставались чистыми. Между ним и картелем его отца проведена очень четкая разграничительная линия.

Но мы знаем, кто Дамиан на самом деле. И про то, что Аламандос, который, как говорят, находится на последнем издыхании, требует от сына *законного* наследника.

С моей помощью.

Меня может вырвать на свадебное платье от-кутюр.

Голос отца врывается в мои мысли:

— Ландин.

¹ Уолл-стрит — небольшая улица в нижней части Манхэттена, Нью-Йорк, и место расположения ведущих финансовых организаций США, в частности здесь находится Нью-Йоркская фондовая биржа и Федеральный резервный банк США, офисы крупнейших банков. В переносном смысле так называют и саму биржу, и весь фондовый рынок США в целом, и «финансовое сообщество». — *Здесь и далее прим. переводчика.*

Он почти не разговаривал со мной с тех пор, как люди Дамиана Марино забрали нас из дома под дулом пистолета и привезли сюда, на курорт на побережье, чуть южнее границы. Очевидно, так делают, если глава картеля считает, что вы можете сбежать, и не хочет рисковать.

Я не двигаюсь и продолжаю смотреть на свое отражение в зеркале. Я выгляжу как незнакомка — даже я сама себя не узнаю. Я совсем не тот человек, которым была пять дней назад.

— Ландин. — Его тон окрашен отчаянием, он хватается за мою руку и разворачивает к себе. Наконец я смотрю на его лицо, исчерченное тревогой, и полные отчаяния глаза. Чувство вины будто течет из всех его пор, как могла бы струиться кровь. — Я решу этот вопрос. Я обещаю. Давай переживем сегодняшний день, и я поговорю с Аламандосом. Я найду другой способ с ним расплатиться. Я верну тебя назад.

Я продолжала шевелиться все эти дни, потому что выбора у меня не было. Единственный другой вариант — умереть. Я не могу сбежать и не могу спрятаться. За мной постоянно следят.

Но глядя на отца и слушая его пустые обещания, я не могу отмахнуться от эмоций, которые спрятала глубоко внутри себя, когда мы приехали сюда. Слезы закончились, я больше не прошу и не умоляю. Остались только обида и злость, но я не могу позволить себе действовать сгоряча.

Я могу рассчитывать лишь на себя.

Отец передал меня в качестве оплаты долга. Он не может это отменить или исправить.

Я сглатываю комок в горле и впервые за сегодняшний день открываю рот, выдергивая у отца свою руку.

— Через двадцать минут я буду вынуждена идти к алтарю, чтобы стать женой Дамиана Марино, сына главы крупнейшего наркокартеля в этом столетии. Он на двадцать один год старше меня, и его репутация ни для кого не секрет.

Моя мать всхлипывает, сморкаясь в бумажный платок.

Отец бледнеет как сама смерть. У него хватает наглости подбадривать меня после того, что сделал. Он хочет, чтобы я чувствовала себя лучше!

— Он обещал хорошо к тебе относиться.

Я не идиотка. Этот курорт принадлежит семье Марино. Охранники даже не скрывались с тех пор, как нас сюда привезли. Мы окружены вооруженными людьми — и все они работают на картель Марино. Я не исключаю, что в каждом углу на этой вилле установлены камеры видеонаблюдения и прослушка, поэтому склоняюсь вперед и говорю тихим шепотом, гневно глядя на че-

ловека, который использовал меня, отдал в залог, чтобы спасти собственную задницу:

— Давай не будем притворяться, что то, что я сейчас сделаю, — не одна из форм смерти. Это ты облажался с поставкой товара главе крупнейшего на сегодняшний день наркокартеля. Мне никогда не выпутаться. Я никогда не буду такой, как раньше. Я никогда не буду жить свободной, нормальной жизнью, и именно ты во всем этом виноват. Ты вполне можешь собственноручно перерезать мне ножом горло перед тем, как я буду вынуждена идти к алтарю.

Я впервые за эти дни позволила себе высказать то, что кипело под поверхностью. В любую минуту за нами подъедет машина — возможно, это мой последний шанс. Я не знаю, когда смогу снова увидеть родителей и смогу ли вообще.

— Ландин! — кричит мать и тянется ко мне, но я отступаю от них обоих.

— Не надо. Только не надо. — Я показываю на свадебное платье, которое выбирала не я, и очень стараюсь справиться с эмоциями, потому что меня предупредили о том, что случится, если не буду полностью уступчивой и стоворчивой. — Если вы думаете, что вам удастся вырвать меня отсюда после того, как дело будет сделано, то у вас еще хуже с головой, чем я думала. Надеюсь, что вы оба насладитесь свободой, которую вам купит мое пожизненное заключение.

Мощный, уверенный стук в дверь прорывается сквозь повисшее в комнате напряжение; оно такое ошутимое — хоть ножом режь.

У меня сжимается сердце.

Мама промокает глаза, чтобы не потекла тушь, затем театрально качает головой.

— Должно быть что-то, что мы можем сделать. Должно быть.

Тот, кто находится с другой стороны двери, не ждет ответа. Дверь распахивается, на пороге стоит мужчина, которого я никогда раньше не видела. Он заполняет собой весь дверной проем, излучая силу и требуя полного подчинения. Безоговорочно.

Сшитый на заказ костюм идеально сидит на его огромном теле, лицо ясно говорит: «дело прежде всего». Мужчина высокий и широкоплечий и скорее выглядит как модель, снимающаяся для журнала GQ, или игрок Национальной футбольной лиги, который приехал на самую важную игру сезона, а не наркоторговец. Короткая стрижка, еще более короткая, идеально подстриженная борода, смуглая кожа без изъянов.

Роскошный мужик.

Судя по виду, он не в настроении слушать истерики.

Предполагаю, что умолять его оставить мне жизнь бесполезно.

Его низкий голос громом разносится по комнате:

— На улице ждут две машины. Дамиану не понравится, если мы опоздаем.

Значит, вот как.

Плохо.

Это хуже некуда.

Дамиан Марино покупает бросившую колледж двадцатитрехлетнюю девушку, которая всюду всегда опаздывает.

Как будто дело может стать еще хуже.

Мой отец хватается сумочку матери и обнимает ее за талию. Он пытается соблюдать приличия, устраивает шоу — вздергивает подбородок, будто он какая-то важная птица.

— Мы поедем вместе с Ландин. Мы хотим быть вместе с ней по пути в церковь.

Мускулистый мужик в костюме один раз качает головой.

— Вы и миссис Альба поедете в первой машине. Невеста прибудет к месту бракосочетания последней, без вас. Так приказал мистер Марино.

Я быстро оборачиваюсь, чтобы посмотреть на родителей. Я злюсь, я испугана, но я все равно не думала, что будет так.

Мужик делает шаг в сторону и показывает на дверь.

— Пойдемте.

— Подождите, — умоляюще говорю я. Меня угнетает необходимость передвигать ноги в туфлях от Джимми Чу. — Я увижу их после свадьбы?

Мужик тянется к моему локтю, будто я могу куда-то сбежать в этом плотно обтягивающем платье.

— Нет. После церемонии тебя отвезут прямо домой к Дамиану.

У меня меняется выражение лица, ноги слабеют.

Вот оно.

Дерьмо собачье!

Вот оно.

Мужик, который, судя по его виду, может пробить кирпичные стены, не снимая сшитого на заказ костюма, слегка дергает меня. Выбора у меня нет, я должна сдвинуться с места. Мы покидаем виллу, мои родители идут вслед за нами.

Как только мы выходим на улицу, солнечный день кажется мне пощечиной.

На улице тепло, погода ясная, кругом красиво — этот интенсивный яркий свет везде, насколько хватает глаз. После того как я получила в сердце укол новокаина, действие которого длилось несколько дней, внезапно все нервные окончания у меня в теле становятся сверхчувствительными.

Цветы более яркими.

Океанский бриз более свежим.

Солнце более горячим.

А рука крепче сжимает мой локоть.

Два совершенно одинаковых черных «Эскалейда» приветствуют нас словно сам дьявол в Судный день. Они стоят бок о бок перед виллой, которая стала тюремной камерой.

Моя колесница ждет, чтобы доставить меня в ад на земле.

В мою новую реальность.

Я вынуждена проглотить привкус желчи, который появляется в горле. Я не прощаюсь с родителями.

— Сядь по центру, — приказывает мужик, подхватывает меня, не давая возможности сопротивляться, и вталкивает в ледяной внедорожник. Затем он вталкивает внутрь шлейф, и тот бесформенной кучей ложится к моим ногам, и захлопывает дверцу.

Сердце судорожно колотится в груди, его удары отдаются в ушах.

Вот оно.

Еще один мужик сидит за рулем. Он тоже оделся в элегантный черный костюм на мою казнь.

И тут я задумываюсь: неужели все, кроме меня, одеты в черное? Ведь даже моя мать облачилась в черное платье.

Очень подходит к ситуации, как я подозреваю. Происходящее же вполне можно назвать моими похоронами.

Водитель никак не реагирует на мое появление, но поворачивается к своему партнеру, когда тот забирается на переднее пассажирское сиденье.

— Мы опаздываем, Боз.

Боз.

Ну и имечко.

Боз достает пистолет из внутреннего кармана пиджака и кладет на свою мощную ногу. Он не выбирает выражения, находясь в салоне автомобиля вместе со мной.

— Да у нас тут цирк уродов с этой семейкой. Судя по виду, Альба может обделаться в любую минуту. Жена его в жутком состоянии, черт ее побери.

Когда внедорожник срывается с места, меня вдавливают в гладкую кожу сиденья. Не знаю, чем я руководствуюсь, — это инстинктивное движение или мне просто нужно чем-то занять руки, но я вытягиваю ремень безопасности и пристегиваюсь. Мои новые тюремные охранники этого не делают. Мы выезжаем с территории курорта на улицы Тихуаны.

Я выросла в Сан-Диего и поэтому бывала здесь бесчисленное количество раз. Здесь много людей и яркие краски — как и всегда. Две

машины несутся по улицам на большой скорости, а люди продолжают жить своей обычной жизнью. Мне никогда раньше не доводилось видеть здесь свободные улицы, трафик всегда был плотный, и машины шли бампер к бамперу.

Интересно, это мой жених перекрыл улицы, чтобы мы могли проехать?

Такое может сделать только правительственный чиновник или картель.

Боз с водителем не разговаривают, мимо пронесется окружающий мир. Я гадаю, куда мы едем и сколько времени нам потребуется, чтобы туда добраться, но не смею спросить. Боюсь открыть рот — вдруг вырвется что-то лишнее.

Я также гадаю о том, как мне было бы больно, если бы я открыла дверцу и выбросилась из машины на ходу. Определенно Дамиан Марино не захочет сказать «да» окровавленной невесте, которая вся покрыта дорожной сыпью¹.

Может, я не выживу.

Я могу думать и о вещах похуже.

Например, о замужестве со злобным сыном главы наркокартеля, который когда-нибудь сам встанет у руля.

Черт!

Мне не следовало пристегиваться ремнем безопасности.

Меня клонит вбок, когда водитель резко поворачивает. Мы покидаем туристическую зону и теперь едем по узким разбитым дорогам. Каждый раз, приезжая в Тихуану на день, мы с друзьями обходили эти районы стороной, так и не решаясь туда ступить. Мы считали себя смелыми и дерзкими и напивались текилой, потому что всем здесь было плевать на то, сколько нам лет². Здесь нас не контролировали и не оберегали наши родители.

Теперь эта мысль вызывает смех. О том, как мои родители меня «оберегают». Плохая шутка.

Если бы я тогда только знала, какое будущее меня ждет.

Я бы сбежала в горы.

Или в Канаду.

¹ Дорожной сыпью на байкерском жаргоне называют ссадины от асфальта и соприкосновения с другой грубой поверхностью.

² В США алкоголь не продают лицам младше 21 года. Это запрещено на законодательном уровне во всех штатах. В Мексике минимальный возраст для употребления крепкого алкоголя составляет 18 лет, напитков с содержанием алкоголя менее 16,5 % — 16 лет, но эти ограничения часто не распространяются на иностранных туристов.

Чем дальше мы уезжаем от города и от Тихого океана, тем больше видна настоящая Мексика. Я хочу силой воли заставить время замедлиться, но дни и часы уже сжались в несколько ценных минут. У меня почти ничего не осталось — особенно времени.

Внедорожник, в котором едут мои родители, внезапно резко останавливается, наш делает то же самое. Мы на парковке перед одной из старых церквей. Она высокая и красивая, стоит на одной из городских улиц, к величественному входу ведет довольно много ступеней. Интересно, как я смогу по ним подняться на шпильках и в облегающем платье. Тут придется не только втягивать живот, но и вдохнуть и не выдыхать.

Ко мне поворачивается Боз.

— Не двигайся. Вначале мы проводим и усадим твоих родителей, затем придет твоя очередь.

— Но... — Я запинаясь, глядя сквозь лобовое стекло. Моих родителей окружают охранники, словно они могут сбежать. Я снова поворачиваюсь к мужчине по имени Боз, который все так же небрежно держит пистолет на мощном бедре.

У него устрашающий профиль. Я гляжу на него, когда он осматривает окрестности. Но он единственный из людей Марино, который сегодня со мной разговаривал, поэтому я решаю рискнуть.

— И моего отца тоже? Разве он не поведет меня к алтарю, чтобы передать там жениху?

Я никогда не злилась на отца сильнее, чем сейчас, но с ним все равно будет лучше, чем одной.

Боз впервые проявляет хоть какую-то эмоцию. До этого его лицо вовсе ничего не выражало. Он смотрит на меня, приподняв бровь.

— Чика¹, он уже передал тебя жениху.

Проклятье. Он прав.

У меня совершенно не осталось ни времени, ни вариантов, из которых можно выбрать.

Я смотрю, как мать прижимается к отцу, когда они поднимаются по лестнице к тому, что ждет меня внутри.

Я все еще официально не встречалась со своим женихом.

Нельзя сказать, что он знаменит, — он скандально известен и пользуется дурной славой. Он — законный представитель семьи Марино, ее лицо. Я много лет слышала рассказы отца про Дамиана. И с тех пор как мне объявили, что я стану его женой, чтобы спасти нашу семью, я только и думала о том, что слышала.

¹ Chica — девушка, детка (исп.).